

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 80. «И опять за травой колокольчик
звонит...»

Выпуск № 482

Анна Ахматова

Причитание

В. А. Щеголевой

Господеви поклонитесь
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.
И, крылом задетый ангельским,
Колокол заговорил
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим – в леса Саровские
Стадо сельское пасти,
Анна – в Кашин, уж не княжити,
Лён колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

1922

Даниил Андреев

Ткали в Китеже-граде,
Умудрясь в мастерстве,
Золочёные пряди
По суровой канве.

Вышивали цветами
Ослепительный плат
Для престола во храме
И для думных палат.

Но татарские кони
Ржут вот здесь, у ворот;
Защитить от погони
Молит Деву народ,

И на дно голубое,
В недоступную глушь,
Сходят чудной тропой
Сонмы праведных душ.

Там служенья другие,
У иных алтарей;
Там вершит литургию
Сам Исус Назарей...

Недовышит и брошен
Дивный плат на земле,
Под дождём и порошей,
В снежных бурях и мгле.

Кто заветные нити
Сохранил от врага –
Наклонитесь! падите!
Поцелуйте снега,

В лоне отчего бора
Помолитесь Христу,
Завершайте Узоры
По святому холсту.

1950

Выпуск № 1034

Анна Ахматова

Буду чёрные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звёзд зажженных
В сентябрьских небесах –
Для детей, для бродяг, для влюблённых
Вырастают цветы на полях.

А мои – для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

1916

Ирина Ратушинская

Город Китеж

Вначале появились купола.
Века воды крестов не затемнили,
И колокол из радуг влажной пыли
Нам просквозил несмелые тела.

И бил нещадно – от ребра к ребру,
Спасая наши замершие души,
Но находя лишь след великой суши –
Извилистую тёмную нору.

А мы стояли, странно онемев –
Ораторы, молчальники, блудницы –
Узнать не смея радостный напев.
Но первыми очнулись наши птицы.

И взмыли, и ушли, и далеки
Казались нам для самой меткой пули.
А китежане, их кормя с руки,
Забыли нас.
Уже потом взглянули.

Выпуск № 985

Лариса Патракова

В который раз в дорогу соберусь:
В Троянов век уйти тропой незримой...
Чем дальше память – тем сильнее Русь,
Которая лишь в песне обозрима.

Я смутно помню, как рожденья час,
Её напевы, беды, даль без края...
Кто предка моего от смерти спас,
Ни я, ни мой потомок не узнает...

Но я смотрю туда во все глаза
И слушаю сквозь дали и столетья –
Какое слово предок мой сказал
Тому, кто спас его от страшной смерти...

Я слушаю, а Русь в снегах лежит –
Ни огонька на чутких древних башнях...
Далёкая звезда в ночи дрожит...
Чем дальше память – тем душа бесстрашной.

Ирина Ратушинская

Так просто, так просто создать нашу землю:
Пускай она странных сердец не приемлет –

Но в колоб тугой закатать, да покруче,
А то что осталась – пустить бы на тучи

Немыслимых форм, сумасшедших изгибов –
Чтоб помнились мальчикам, грянув и сгинув.

Да зябких раки подпустить наважденье,
Да льдам обозначить ночное движенье,

Да перечной россыпью птиц – на полсвода,
Да детского плача, да смутного года.

Выпуск № 1308

Бахыт Кенжеев

Незаметно отстроился праздничный град,
и кирпичные стены, и башенки в ряд,
заиграло на солнце цветное стекло –
и пяти-то веков не прошло...

Что же вздрогнуло сердце? Что мучает ум?
Кочевой ли свободы наследственный шум?
Или солоно стало подруге твоей –
океанских, маньчжурских кровей?

Будет, станет, отмаялось, перетекло,
совершенным глаголом в могилу легло,
золотые осталось слова поутру
бормотать, да курить на ветру.

А сентябрь расстиляет для нас, дураков,
небелёную ткань городских облаков,
и сшивает её от угла до угла
колокольни сухая игла...

Лариса Патракова

Мы видим общий беспробудный сон
О том, что мы покинули свой дом,
Из жизни в жизнь нам суждено скитаться,
И некуда сновидцам возвращаться...

Мы вымостили трупами планету –
Всё в поисках несбыточной любви...
То ненавидим мы себя за это,
А то гордимся миром на крови.

Нам не даётся тайна бытия:
Во сне всегда всё спутано, невнятно...
Нам бы проснуться, да ума палата
Нас заставляет верить в наше я...

Из страха в страх и к смерти под крыло,
И радостью детей не напоили...
Во сне уютно: мы как будто жили –
Безумным, нам другого не дано.

Нам никуда не надо возвращаться:
Мы дома, нас любовь не предала...
Проснуться. Потянуться. Рассмеяться.
И жизнь поймёт: я, кажется, спала...

Выпуск № 1076

Сергей Есенин

Синее небо, цветная дуга,
Тихо степные бегут берега,
Тянется дым, у малиновых сёл
Свадьба ворон облегла частокол.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овёс,
Пахнет ромашкой и мёдом от ос.

Край мой! Любимая Русь и Мордва!
Притчею мглы ты, как прежде, жива.
Нежно под трепетом ангельских крыл
Звонят кресты безымянных могил.

Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.

Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

1916

Николай Клюев

Есть горькая супесь, глухой чернозём,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь
И пегая охра, жилища пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть Матерь-земля, бытия колыбель.
Ей пестун Судьба, вертоградарь же Бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь её, Нива, в часы бороньбы,
Как свиток, являет глаголы Судьбы, –
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнём и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота, –
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям пригожих лицом
Мы «соколом ясным» и «павой» зовём.
Узнайте же ныне: на кровле конёк
Есть знак молчаливый, что путь наш далёк.

Изба – колесница, колёса – углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная – несметный обоз! –
Вспарит на распутья взывающих гроз...

Смятутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря, –
То девушки наши, в поминок векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

1916

Владимир Набоков

Скитальцы

За громадные годы изгнания,
вся колючим жаром дыша,
исходила ты мироздания,
о, косматая наша душа.

Семимильных сапог не обула,
и не мчал тебя чародей,
но от пыльных зловоний Стамбула
до парижских литых площадей,

от полярной губы до Бискры,
где с арабом прильнула к ручью,
ты прошла и сыпала искры,
если трогали шерсть твою.

Мы, быть может, преступнее, краше,
голодней всех племён мирских.
От языческой нежности нашей
умирают девушки их.

Слишком вольно душе на свете.
Встанет ветер всяя Руси,
и душа скитальцев ответит,
и ей ветер скажет: неси.

И по рёбрам дубовых лестниц
мы прикатим с собой на пир
бочки солнца, тугие песни
и в рогожу завёрнутый мир.

1924

Выпуск № 1001

Марина Цветаева

из цикла «Стихи о Москве»

Семь холмов – как семь колоколов!
На семи колоколах – колокольни.
Всех счётом – сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землёй московскою!

1916

– Москва! – Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придём.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты всё же позовёшь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льётся аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

1916

Даниил Андреев

из цикла «Предварения»

Перед близким утром кровавым
В тишине свечу мою теплою
Не о мзде неправым и правым,
Не о сёлах в прахе и пепле;

Не о том, чтоб вырвало с корнем
Спорынью из пашен России;
Не о том, что в Синклите горнем
Святорусские духи просили.

Но о ней, – о восьмивековой,
Полнострастной, бурной, крамольной,
Многошумной, многовенцовой,
Многогрешной, рабской и вольной!

Ведь любовью полно, как чаша,
Сердце русское ввысь воздето
Перед каменной матерью нашей,
Водоёмом мрака и света;

Приближаясь нашей пустыней
К ней одной – трепещем, немеем:
Не имеем равной святыни,
Сада лучшего не имеем!

О, достойней есть, величавей
Города пред Твоими очами,
Жемчуга на Твоей державе,
Цепь лампад во вселенском храме.

Но в лукавой, буйной столице,
Под крылом химер и чудовищ,
До сих пор нетленно таится
Наше лучшее из сокровищ:

Поколений былых раздумья,
Просветлённых искусств созданья,
Наших вер святое безумье,
Наших гениев упованья;

Смолкший звук песнопений, петых
В полумраке древних святилищ,
Правда мудрых письмён, согретых
Лаской тихою книгохранилищ...

Не кропи их водою мёртвой;
Не вмени нам лжи и подмены,
Опусти святой омофор Твой –
Кровлю мира на эти стены.

1952

Выпуск № 662

Вячеслав Иванов

Москва

Влачась в лазури, облака
Истомой влаги тяжелеют.
Берёзы никлые белеют,
И низом стелется река.

И Город-марево, далече
Дугой зеркальной обойдён, –
Как солнца зарных ста знамён –
Ста жарких глав затеплил свечи.

Зелёной тенью поздний свет
Текучим золотом играет;
А Град стоит и не сгорает,
Червонный зыбля пересвет,

И башен тесною толпою
Маячит, как волшебный стан,
Меж мглой померкнувших полян
И далью тускло-голубою:

Как бы, ключарь мирских чудес,
Всей столпной крепостью заклятий
Замкнул от супротивных ратей
Он некий талисман небес.

1904

Лариса Патракова

Москве

Вели дороги в Третий Рим,
Всегда не знающий покоя,
Столетия золотой ордою
Светились в воздухе, как нимб.

Весны черёмуховый дым
Лизал вершины колоколен,
И город памятью был болен
Под этим нимбом золотым.

Он брёл в веках, как пилигрим,
Он брёл от Азии к Европе,
Но шли по кругу эти тропы
Среди его недужных зим.

Сам для себя необозрим,
Вбирая песни-переулки,
Хранил он в памяти шкатулку,
Ключи к которой – целый мир.

И он был мне необходим,
Родством вселенским озадачив,
Я верила в его удачу –
Я возвращалась в Третий Рим.

Выпуск № 281

Александр Блок

Вербная Суббота

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице вест, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... – «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...

Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе – теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюблённые гости заморских племён
И, может быть, поздних, весёлых времён.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...

И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1903

Марина Цветаева

из цикла «Стихи к Блоку»

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарёй в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарёй в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.

1916

Выпуск № 212

Александр Блок

из цикла «Родина»

В густой траве пропадёшь с головой.
В тихий дом войдёшь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетёт косою
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня – куст белых роз.
Вот здесь вчера – повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принёс?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь – тучи вдали встают,
И слушаешь песни далёких сёл...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой – зовёт и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» –
И опять за травой колокольчик звенит...

1907

Анна Ахматова

Памяти А. Блока

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется.
И струится пенье панихидное,

Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, –
Александра, лебедя чистого.

1921

Выпуск № 1158

Александр Блок

из цикла «На поле Куликовом»

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной –
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

1908

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не зыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб не даром биться с татарвою,
За святое дело мёртвым лечь!»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

1908

Даниил Андреев

Большой театр.

Сказание о невидимом граде Китеже

Темнеют пурпурные ложи:
Плафоны с парящими музами

Возносятся выше и строже
На волнах мерцающей музыки.
И, думам столетий ответствуя,
Звучит отдалённо и глухо
Мистерия смертного бедствия
Над Градом народного духа.

Украшен камнем узорным,
Весь в облаке вешнего вишенья, –
Всем алчущим, ищущим, скорбным
Пристанище благоутишное!..
Враг близок: от конского ржания
По рвам, луговинам, курганам,
Сам воздух – в горячем дрожании,
Сам месяц – кривым ятаганом.

Да будет верховная Воля!
Князья, ополчение, приверженцы
Падут до единого в поле
На кручах угрюмого Керженца.
Падут, лишь геройством увенчаны,
В Законе греха и расплаты...
Но город! но дети! но женщины!
Художество, церкви, палаты!

О, рабство великого плена!
О, дивных святынь поругание!..
И Китеж склоняет колена
В одном всенародном рыдании.
Не синим он курится ладаном –
Клубами пожаров и дымов...
– Спаси, о благая Ограда нам,
Честнейшая всех херувимов!

Как лестница к выси небесной,
Как зарево родины плачущей,
Качается столп нетелесный,
Над гибнущей Русью маячущий.
– О, Матере Звездовенчанная!
Прибежище в мире суровом!
Одень нас одеждой туманною,
Укрой нас пречистым покровом!

И, мерно сходясь над народом,
Как тени от крыльев спасающих,

Скрывают бесплотные воды
Молящих, скорбящих, рыдающих.
И к полчищам вражьи доносится
Лишь звон погруженного града,
Хранимого, как дароносица,
Лелеемого, как лампада.

И меркнет, стихая, мерцая,
Немыслимой правды преддверие –
О таинствах Русского края
Пророчество, служба, мистерия.
Град цел! Мы поём, мы творим его,
И только врагу нет прохода
К сиянию Града незримого,
К заветной святыне народа.

1950

Выпуск № 1202

Арсений Тарковский

Кони ржут за Сулою...
«Слово о полку Игореве»

Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
Ты для новобрачного – свадебная скатерть,

Для младенца – колыбель, для юного хмель,
Для скитальца – посох, пристань и постель,

Для пахаря – поле, для рыбака – море,
Для друга – надежда, для недруга – горе,

Для кормщика – парус, для воина – меч,
Для книжника – книга, для пророка – речь,

Для молотобойца – молот и сила,
Для живых – отцовский кров, для мёртвых – могила,

Для сердца сыновьяго – негасимый свет.
Нет тебя прекрасней и желанней нет.

Разве даром уголь твоего глагола
Рдяным жаром вспыхнул под пятой монгола?

Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
Твой не красил кровью бебряный рукав?

Разве киноварный плащ с плеча Рублёва
На ветру широком не полощет снова?

Как душе – дыханье, руке – рукоять.
Хоть бы в пропасть кинуться – тебя отстоять.

1941-1944

Александр Блок

из цикла «На поле Куликовом»

В ночь, когда Мамай залёг с ордою
 Степи и мосты,
В тёмном поле были мы с Тобою, –
 Разве знала Ты?

Перед Доном тёмным и зловещим,
 Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
 В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
 Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
 Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
 Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
 Князя стерегли.

Орлий клёкот над татарским станом
 Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
 Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей чёрной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

1908

[Выпуск № 1385](#)

[Максимилиан Волошин](#)

Владимирская Богоматерь

Не на троне – на Её руке,
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мею –
Нет ни сил, ни слов на языке...
Собранный в зверином напряженьи
Львёнок-сфинкс к плечу её прирос,
К ней прильнул и замер без движенья,
Весь – порыв, и воля, и вопрос.
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженьё.
Кто разверз озёра этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,

Не Печёрский тёмный богомаз:
В раскалённых горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Её из огненной стихии
Был в земные краски воплощён.
Но из всех высоких откровений,
Явленных искусством, – он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междоусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесённый,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаённый.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев –
Степь в огне и разоренье сёл –
Ты, покинув обречённый Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и в глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Хромец Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь, в Успенском – в сердце стен Кремлёвых,
Умилась на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...

Чёрной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осьмивековой молитвой
Всей Руси в веках озарена.
И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На порогах киевским ладьям
Указуя правильный фарватер.
Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик –
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик:
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем – Лик самой России –
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

1929

Даниил Андреев

из цикла «Голубая свеча»

О, тихая полночь! – Узор
 дум –
 строже,
Алмазней вершины, – ясней
 их зов...
Величит душа моя свет
 Твой,
 Боже,
И ум облакает хвалу
 в ткань
 слов.

– О дивном соборе
 былых
 дней
 все мы
Из кубка преданий живой
 пьём
 слух:
Его пятиглавая блестят –
 как шлемы,
И каменный лик просветлён,
 как дух.

Не мириады ль текли,
 свет
 чая,
В годину разгромов и орд,
 в дни сеч,
Сюда, где с амвона сиял
 луч
 рая, –
Таинственный образ в огнях
 ста свеч.

С Урала, с украин, от степных
 рек
 вольных,
С Онеги, с Поморья, где лишь
 грай птиц,
Стекались, как мирная рать,
 в град
 стольный –
Соборно свой дух умягчить,
 пав ниц.

Хор пел про невидимый плат –
 Кров
 Мира,
Про белый, как свет, омофор
 он пел,
И, тысячью уст повторив
 стих
 клира,
Собор просветлялся – весь свят,
 весь бел.

И в самодержавных сердцах
в час
гнева
Смолкал многошумных страстей
злой спор.
Когда опускала на них
Мать
Дева,
Печальница русской земли,
Свой взор.

В потоки любви претворив
боль
стонов,
Душа постигала свой путь,
свой крест...
– Честнейшая всех Херувим,
всех Тронов!
Славнейшая всех Серафим,
всех звезд!

И, тканна сердцами, хвалой
уст
пета,
Мерцала единым шатром
вся твердь,
Объемля народ, как покров
струй
света,
Надежнее царства,
сильней
чем смерть.

1950-1955

Выпуск № 957

Владислав Ходасевич

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она

Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жемчужной белой,
То пряник вяземский, то мятного коня.

Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое своё,
И просто всё, что дорого ей было.

Лишь раз, когда упал я из окна,
И встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вот, Россия, «громкая держава»,
Её сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я каждый миг,
Учитель мой – твой чудотворный гений,
И поприще – волшебный твой язык.

И пред твоими слабыми сынами
Ещё порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу...

Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива ещё отрада,
Что есть и мне прибежище одно:

Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

1917-1922

Даниил Андреев

О полузабытых

Народная память хранит едва
Деяния и слова
Тех, кто ни почестей, ни торжества
Не пожинал искони;
Громом их доблести не сотрясён
Сумрачный строй времён;
Дальним потомкам своих имён
Не завещали они.

Есть безымянность крупиц песка,
Винтиков у станка,
Безликость капель, что мчит река
Плещущего бытия;
Их – миллиарды, и в монолит
Всякий с другим слит;
Этому множеству пусть кадит
Гимны – другой, не я.

Но есть безымянность иных: свинцов
Удел безвестных борцов –
Вседневных подвижников и творцов
Деятельной любви.
Встань перед ними, воин-поэт,
Славою мира одет, –
Перечень звучных своих побед
Надвое разорви.

Эти – прошли в города и в поля,
Со множеством жизнь деля, –
Врачи, священники, учителя,
Хозяйки у очагов;
И, лязгая, сдвиги эр не сотрут
Их благодатный труд,
Ни уицраор, ни демоны смут,
Ни ложь друзей и врагов.

Они умирали – не знаю где:
В дому или на борозде.
В покое ли старости или в труде, –
Но слой бытия сквозь слой
Им разверзал в высоте миров

Всю щедрость своих даров,
И каждый включался в белый покров
Над горестною страной.

Пусть мир не воздаст ни легендой им,
Ни памятником гробовым,
Но *радость нечаянную* – живым
Они бесшумно несут;
Они проникают в наш плотный быт –
Он ясен им и открыт, –
Их тёплым участием одет и омыт
Круг горьких наших минут.

Никто не умеет их путь стеречь,
Никто не затеплит свеч,
Никто не готовит богатых встреч,
Никто не скажет «спаси», –
Но жаль, что туманная старина
Укрыла их имена,
Когда-то в промчавшиеся времена
Звучавшие на Руси.

1951

Выпуск № 864

Анна Ахматова

Уложила сыночка кудрявого
И пошла на озеро по воду,
Песни пела, была весёлая,
Зачерпнула воды и слушаю:
Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.
Вот большие бьют у Егория,
А меньшие с башни Благовещенской,
Говорят они грозным голосом:
«Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая

За тебя у престола Божьего.
Что же ты на земле замешкалась
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру-голубицу схимницу,
Своего печалишь ребёночка?..»

Как последнее слово услышала,
Света я пред собою не взвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.

1940

Максимилиан Волошин

Заклятье о Русской земле

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота –
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племён,
На тридцать три царства –
На всю землю Свято-Русскую.

Не слышать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей, –
Лежит Русь –
Разорённая,
Кровавлённая, опалённая
По всему полю –

Дикому – Великому –
Кости сухие – пустые,
Мёртвые – желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьёт по костям
Железным жезлом:
«С четырёх сторон,
С четырёх ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит –
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается,
Так –
 встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись –
Царство к царству, племя к племени.

Куёт кузнец золотой венец –
Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно – Царство Русское –
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его – Царство Русское –
В гульбе не разгуляли,
В плясне не расплясали,

В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно – Царство Русское –
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

1919